

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

ПОЭТИКА И ЭСТЕТИКА СЛОВА

Сборник научных статей
памяти
*Виктора Петровича
Григорьева*

URSS
МОСКВА

Поэтика и эстетика слова: Сборник научных статей памяти Виктора Петровича Григорьева / Под ред. З. Ю. Петровой, Н. А. Фатеевой, Л. Л. Шестаковой. — М.: ЛЕНАНД, 2010. — 464 с.

В настоящий сборник вошли работы отечественных и зарубежных ученых, неравнодушных к личности и научному наследию Виктора Петровича Григорьева, известного во всем мире специалиста в области лингвистической поэтики, стилистики и языка художественной литературы, поэтической лексикографии; ученого, воспитавшего целое поколение исследователей.

Круг тем настоящего сборника связан с кругом интересов В. П. Григорьева. Первый раздел посвящен языковой личности самого Виктора Петровича, второй — изучению поэзии Велимира Хлебникова, два следующих раздела — языку русской поэзии и прозы; в пятом разделе книги рассматриваются проблемы авторской лексикографии и поэтического перевода и, наконец, в последнем, шестом разделе — вопросы функционирования языка в его поэтической функции.

Книга будет интересна филологам — лингвистам, литературоведам, преподавателям и студентам, а также широкому кругу любителей русской словесности.

Рецензенты:

зав. отделом экспериментальной лексикографии Института русского языка РАН, д-р филол. наук, проф. *А. Н. Баранов*;
проф. кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов, д-р филол. наук *О. А. Крылова*

Ответственный редактор З. Ю. Петрова

Редакторы: Н. А. Фатеева, Л. Л. Шестакова

ООО «ЛЕНАНД». Формат 60×90/16. Печ. л. 29. Зак. № 1994.

Отпечатано в ООО «ПК «Заураль».
640022, Курганская обл., Курган, ул. К. Маркса, 106.

ISBN 978-5-9710-0281-9

© ИРЯ РАН, 2009

7845 ID 107016

9 785971 002819

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельца.

РАЗДЕЛ 5

Проблемы поэтической лексикографии и поэтического перевода

Е. М. Матвеев (Санкт-Петербург)

Проблемы описания рифмы русских поэтов XVIII века (на материале готовящегося словаря рифм М. В. Ломоносова)

Комплексное изучение рифмы русских поэтов XVIII в., несмотря на наличие ряда фундаментальных работ¹, остается одной из востребованных проблем современной стиховедческой науки. Прежде всего, это связано с тем, что до сих пор «универсальный» метод исследования рифмы — создание рифменных словарей — к XVIII в. не применялся; на сегодняшний день не существует словарей рифм даже таких крупных поэтов XVIII в., как М. В. Ломоносов или Г. Р. Державин. Проект, работа над которым в настоящее время ведется в отделе «Словарь М. В. Ломоносова» Института лингвистических исследований РАН в сотрудничестве со стиховедческой группой Факультета филологии и искусств СПбГУ, призван восполнить этот пробел. В состав готовящегося многотомного словаря языка М. В. Ломоносова включен словарь-справочник «М. В. Ломоносов и русская по-

¹ См., например: *Жирмунский В. М.* О русской рифме XVIII в. // Роль и значение XVIII века в истории русской культуры. М.; Л., 1966; *Холщевников В. Е.* Из истории русской рифмы: от Ломоносова до Лермонтова // *Русская литература.* 1989. № 2. См. также перечень научных работ о русской рифме XVIII века, приведенный М. Л. Гаспаровым: *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха. М., 2002. С. 334.

эзия XVIII века», состоящий из двух частей — словаря рифм М. В. Ломоносова и метрико-строфического справочника.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы обозначить некоторые частные и общие проблемы описания рифмы в русской поэзии XVIII в., возникающие при создании словаря рифм М. В. Ломоносова.

Как построен словарь рифм? Разработанная общая структура словаря рифм М. В. Ломоносова основана на принципах построения словарей рифм, выработанных Томасом Шоу — автором словарей рифм А. С. Пушкина, К. Н. Батюшкова и Е. А. Баратынского².

В словаре предполагается выделение трех частей:

1. Лексикон стиховых окончаний (алфавитный указатель рифмующихся слов и слов с безрифменными окончаниями в стихе Ломоносова).

2. Обратный словарь рифменных сегментов и безрифменных окончаний стихов (включает три раздела: мужская клаузула, женская клаузула, дактилическая клаузула).

3. Указатель произведений.

Остановимся подробнее на второй части словаря, над которой в настоящее время идет работа. Обратный словарь рифменных сегментов и безрифменных окончаний включает семь позиций для описания (см. табл.).

Рифменный сегмент	Словарь	Рифмопары	Адрес форм	Грамматические характеристики	Метрический контекст	Строфический контекст
А	врага	дала врага	155, 42–44	гл. сов. прош. ед. ж. сущ. м. ед. вин.	Я4	AbAbCCdEEEd

Рифменный сегмент — это часть конечного слова стиха, которая участвует в создании рифменного созвучия. В графу «словарь» помещается словоформа, находящаяся на рифменной позиции (для безрифменного стиха — последнее слово в стихотворной строке). В графе «рифмопары» приводятся оба рифмующихся слова в том порядке, в каком они следуют в тексте (для безрифменного стиха вместо рифмопары приводится одно слово). В графу «адрес форм» заносится номер текста и номера стихотворных строк. Далее приводятся грамматические характеристики рифмующихся слов и, наконец, метрический контекст (стихотворный размер произведения) и строфический контекст, т. е. строфическая форма произведения — строфический стих, астрофический стих парной рифмовки, астрофиче-

² Shaw J. Th. Pushkin's rhymes: a dictionary. Madison, 1975; *Idem*. Batiushkov: a dictionary of the rhymes & a concordance to the poetry. Madison, 1975; *Idem*. Baratynskii: a dictionary of the rhymes & a concordance to the poetry. Los-Angeles, 2001.

ский стих вольной рифмовки, астрофический белый стих и т. д. (в случае строфической формы указывается модель строфы).

Основной характеристикой описываемой в словаре рифмы является рифменный сегмент. При его вычленении мы встречаемся сразу с несколькими сложностями.

Первая сложность касается вопросов соотношения фонетики и орфографии.

Несмотря на разнообразие в определениях понятия «рифма», в каждом из них подчеркивается, что рифма есть явление фонетическое, «звуковой повтор». Ср., например, определения 1) у Б. В. Томашевского: «Рифма — это созвучие двух слов, стоящих в определенном месте ритмического построения стихотворения. В русском стихе (впрочем, не только в русском) рифма должна находиться в конце стиха. Именно концевые созвучия, дающие связь между двумя стихами, именуется рифмой. Следовательно, у рифмы есть два качества: первое качество — ритмическая организация, потому что она (рифма) отмечает концы стихов; второе качество — созвучие»³; 2) у В. М. Жирмунского: «Рифмой мы называем звуковой повтор в конце соответствующих ритмических групп (стиха, полустихия, периода), играющий организующую роль в строфической композиции стихотворения»⁴; 3) у М. Л. Гаспарова: «Рифма — это созвучие концов стихов или полустихий, отмечающее их границы и связывающее их между собой»⁵.

Выделяя рифменные сегменты при описании рифмы Ломоносова (как, впрочем, и других поэтов XVIII в.), мы имеем дело исключительно с письменным текстом. И если в ряде случаев на основании письменного текста мы можем с большой долей вероятности предположить, как произносилось то или иное слово (например, оглушение звонкого согласного в конце первого слова рифмопары *виноград — бежат*), то в других — это неочевидно. Так, например, неясно, как произносилось слово «голова» ([голова] или [галава]) в рифмопаре *трава — голова*⁶. Итак, первый существенный вопрос, который возникает в связи с соотношением фонетики и орфографии в поэтической речи XVIII в., — это проблема фиксации рифменного сегмента у слов, произношение которых отличается от их орфографического облика (для «голова»: ОВА, АВА или ВА; для «виноград»: АД или АТ).

³ Томашевский Б. В. *Стилистика и стихосложение*. Л., 1959. С. 406.

⁴ Жирмунский В. М. *Поэзия Ал. Блока*. Пб., 1922. С. 91.

⁵ Гаспаров М. Л. *Рифма // Литературная энциклопедия терминов и понятий*. М., 2003. С. 878.

⁶ Несмотря на то, что в ряде работ по исторической фонетике осуществлялись попытки реконструировать фонетику поэтических текстов XVIII века (в частности, оды), они носят исключительно гипотетический характер (См., например: *Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв.* М.: КомКнига/URSS. С. 328).

Вторая важнейшая проблема, с которой мы сталкиваемся при вычленинии рифменного сегмента, — это вопрос о границе рифмы и, соответственно, о границе рифменного сегмента. Для того, чтобы решить этот вопрос, необходимо рассмотреть его с учетом контекста эпохи, понять, что представляла собой рифма в русской поэзии XVIII в. в целом и каковы были требования к рифме поэтов XVIII в. В самом общем виде эти проблемы описаны в фундаментальном исследовании М. Л. Гаспарова — в его книге «Очерк истории русского стиха». В требованиях к рифме в XVIII в. (как и в требованиях к другим стиховым составляющим) господствует принцип рационального самоограничения. В аспекте фонической точности XVIII в. — это период канонизации точной рифмы. Идеальной считалась рифма и фонически, и графически точная: *мил — пленил, высокой — глубокой*. Однако существовали определенные отклонения от этой идеальной модели:

а) во-первых, в отношении ударного гласного и согласных допускалось графическое несовпадение при фонетическом совпадении: точными считались рифмы типа *мал — мял, был — бил, лед — бьет* (фонетическое совпадение могло быть и приблизительным: [ы] — [и]);

б) во-вторых, йотированные усеченные рифмы (типа *Анны — про-странный*) также допускались и считались поэтической вольностью⁷.

Итак, в целом XVIII в. — это период господства точных рифм. Причем точность рифмы часто усиливалась совпадением предударных звуков в рифме (так называемых «опорных согласных»), в результате чего получались рифмы богатые (*блеск — плеск*) и глубокие (*божество — торжество*). Для мужских открытых рифм богатство рифмы со временем даже превратилось в правило (т. е. стало обязательным). Любопытно, что это правило «сформировалось» именно в поэзии Ломоносова. Гаспаров отмечает, что в ранних одах Ломоносов «держался немецкой традиции: рифмы „весны-тьмы“, „зари-огни“, „земли-реки“ [т. е. без совпадения предударных согласных — *Е. М.*] <...> но, начиная с 1743 г., <...> отказывается от мужских открытых без опорного, и они мелькают у него лишь редкими рецидивами»⁸.

Помимо «классических» точных рифм, при составлении словаря рифм Ломоносова встретились более сложные примеры созвучий, имеющих непосредственное отношение к рифме. И здесь нужно рассмотреть две группы явлений: 1) созвучия, усиливающие точность рифмы, и 2) созвучия, ослабляющие точность рифмы.

1. Созвучия, усиливающие точность рифмы

а) примеры, когда в качестве опорных согласных выступают согласные, парные по звонкости-глухости: *пойдут — цветут, возглашали — под-*

⁷ См.: Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. С. 88–92.

⁸ Там же. С. 92.

разжали, вседержитель — нарушитель, солдат — хотят, мудрейший — острейший и др.;

б) примеры, когда в качестве опорных согласных выступают согласные, парные по твердости-мягкости: *пишу — ищу*;

в) примеры, когда в качестве опорных согласных выступают согласные, сходные по какому-либо фонетическому признаку, например:

- по признаку места образования: *обид — вид* (губные), *дверь — зверь* (переднеязычные), *клокочет — хочет* (заднеязычные);
- по признаку способа образования: *доброт — щедрот* (смычные), *весны — тьмы* (сонорные).

В некоторых случаях такие примеры осложняются факторами произносительных норм XVIII в.: например, неясно, как произносилось в рифмопаре *другу — верьху* слово «другу» ([г] или [γ])⁹;

г) «дистанционные совпадения» отдельных согласных, гласных и групп звуков в рифмующихся словах: *рвет — ржет, полях — полках, десницу — денницу, лежащих — летящих, парящий — палящий, скрыла — сила, мозгу — низу* и др.

Иногда звуковое сходство рифмующихся слов настолько велико, что они отличаются только одним звуком: *подобну — подробну, злился — залился, ограда — отрада*.

В некоторых случаях наблюдаются сочетания нескольких факторов: созвучие согласных, сходных по признаку места образования, и «дистанционные совпадения»: *рабы — рвы*.

2. Созвучия, ослабляющие точность рифмы

а) примеры неточных рифм, а именно ассонансные рифмы, например: *Своим — Константин, снег — след*;

б) палиндромические рифмы, в которых звуки первого слова рифмопары повторяются во втором слове в обратном порядке: *ковры — рвы*.

Все эти явления крайне затрудняют, с одной стороны, ответ на теоретический вопрос о том, что же все-таки, имея в виду стих XVIII в. в целом, следует называть рифмой, и, с другой стороны, ответ на практический вопрос: по каким принципам выделять рифменные сегменты для описания рифм в словаре М. В. Ломоносова?

На первый вопрос аргументированно ответить пока не представляется возможным, поскольку говорить о рифме XVIII в. в целом можно будет только после того, как будут созданы словари рифм, по крайней мере, ключевых поэтов этой эпохи. Что касается нашей практической задачи (описания рифм в словаре Ломоносова), то для ее решения совместными

⁹ См.: Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII–XX вв. С. 328.

усилиями ряда специалистов (в частности, Н. Н. Казанского, Е. В. Хворостяновой, С. С. Волкова) было выработано несколько «компромиссных» принципов вычленения рифменных сегментов:

1. Сегмент выделяется по орфографическому принципу (только на основе написания). Помимо чисто практического удобства этого принципа, следует сказать, что он имеет отношение к восприятию рифмы поэтами XVIII в., когда существовало особое понятие, подчеркивающее важность графики, — «рифма для глаза»; часто «в угоду графической точности искажалась орфография: брался редкий или изобретался новый орфографический вариант („слышешь — пишешь“, „нада — рада“, „спокоен — достоен“ и пр.)»¹⁰.

2. В рифмованном стихе рифменный сегмент выделяется не для рифмопары, а для каждого из рифмующихся слов отдельно. Так, например, в рифмопаре *пленил — забыл* для слова «пленил» выделяется сегмент ИЛ, для слова «забыл» — сегмент ЫЛ, в рифмопаре *виноград — бежат* для слова «виноград» выделяется сегмент — АД, для слова «бежат» — АТ, в рифмопаре *пленил — проронил* для слова «пленил» выделяется сегмент НИЛ, для слова «проронил» — также сегмент НИЛ. Для безрифменных окончаний под рифменным сегментом понимается часть конечного слова стиха от ударной гласной до конца.

3. С учетом орфографического принципа все приблизительные созвучия согласных (включая и парные согласные по звонкости-глухости), а также «дистанционные совпадения» звуков в рифмующихся словах, о которых шла речь выше, в рифменный сегмент не входят: для обоих слов рифмопары *клокочет — хочет* выделяется сегмент ОЧЕТ; для обоих слов рифмопары *весны — тьмы* — сегмент Ы; в рифмопаре *скрыла — сила* для слова «скрыла» выделяется сегмент ЫЛА, для слова «сила» — ИЛА; в рифмопаре *десницы — денницы* для обоих слов выделяется сегмент НИЦЫ. Преимущество такого подхода заключается в том, что при анализе словаря все отмеченные примеры усиливающих точность рифмы созвучий можно будет рассматривать на фоне других случаев. Так, например, на первый взгляд кажется, что именно мужские открытые рифмы (типа *весны — тьмы*) требуют некоей компенсации своей недостаточности. Если все подобные рифмы окажутся в словаре рядом (в данном случае — на сегмент Ы), то данную гипотезу будет легче подтвердить либо опровергнуть.

4. Для спорных случаев предлагается использовать такой же принцип, какой используется для безрифменных окончаний: под рифменным сегментом понимать часть конечного слова стиха от ударной гласной до конца. Например, в рифмопаре *Своим — Константин* для слова «Своим» выделяется сегмент ИМ, для слова «Константин» — ИН, в рифмопаре *ковы — рвы* для обоих слов выделяется сегмент Ы.

¹⁰ Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. С. 91.